

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва
23 января 1984 г.

Круг чтения

«Кронштадт», достойный Кронштадта

Я РАДУЮСЬ. Передо мной журналы «Знамя» за 1983 год, номера 7, 8, 9 и 10. В них напечатан роман моего старинного товарища по службе и работе в газете «Красный Гангут» Евгения Войкунского. Я только что прочел этот роман. Он называется «Кронштадт». Это роман о традициях города, его боевой истории, его людях, великих и беззаветных тружениках моря, рыцарях чести и долга в дни и ночи Отечественной войны.

Я радуюсь, что книга моего товарища стала памятником мужеству — как же этому не радоваться?

Кронштадт — это город моряков, город смелости и отваги, город прощаний и встреч, щит Ленинграда. И если бы меня спросили, какой символ должен быть у этого города, мое воображение нарисовало бы на каменных плитах причала молодую женщину, вглядывающуюся в седое море, куда ушел ее верный друг. Ушел и не вернулся, а она от долгого ожидания превратилась в бронзовую и не уйдет до тех пор, пока не вернется ее верный друг. И я непременно вспоминаю стихи Алексея Лебедева:

Не плачь, мы живы
жизнью смелой,
Умели храбро воевать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.
Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.
А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Вот этим воздухом верности, прекрасным чувством любви и наполнены страницы романа. Они, ожившие, переворачиваются в моей памяти, набегают на нее из сорокалетней дали, как волны набегают и откатываются, омывая душу гордостью и тоской, щемящим чувством верности товариществу защитников жизни.

Мы были тогда юношами, и наша память была цепкой, как татарник. И вот сейчас, спустя сорок лет, эта цепкая память помогла Евгению Войкунскому отобрать и выстроить картину тех событий, придать ей законченность и передать будущему.

Кронштадт во время войны называли «огневой щит». Газету в Кронштадте называли тоже

«Огневой щит». После возвращения с полуострова Гангут в декабре 1941 года Войкунский остался работать в этой газете. Он видел сам, своими глазами, сторожевую жизнь Кронштадта. Он жил этой жизнью. И он преобразил ее в своей книге в нечто цельное. У этой книги была железная необходимость ее написания. В этой книге — опыт собранности народа в час беды, показанный художником. Он, как это и положено художнику, является действующим лицом и передатчиком эстафеты действия во времени.

Я знаю все, что писал Евгений Войкунский, весь его писательский путь. Начиная с первого очерка, написанного в нашей газете «Красный Гангут», и с передовой статьи в последнем номере той газеты. «Мы еще вернемся» — называлась эта передовая. Я читал его пьесы и книги фантастики, я знаю его документальную повесть «Трудный год на полуострове Ханко». Все это живет и действует, будоражит умы и учит человеческие души беспокойству и благородству товарищества.

У меня нет надобности пересказывать события, заключенные в книге, и давать характе-

ристики ее героям. Это сделает она сама. Но я обязан, выражая мое чувство товарищества, сказать о своей радости общения с этой книгой, о заключенном в ней мужестве вчерашнего дня, устремленном в завтрашний день.

Для создания такой книги необходима была целая жизнь. Со всеми ее трагедиями и восторгами, с колоссальным опытом поколения, пропущенным через опыт души автора. Для этого требовалась его верность, верность его героям, бывшим его товарищам по казарме и палубе.

Книга Войкунского — книга многоплановая, многослойная, как сама жизнь. Она — книга активной памяти, той памяти, которая накладывается и проецируется на будущее.

Я рад за труд моего товарища, и мне очень хочется, чтобы после этой книги число его истинных друзей увеличилось многократно.

Так, наверное, оно и будет. Книга «Кронштадт» действительно достойна Кронштадта.

Михаил ДУДИН.
ЛЕНИНГРАД.